

КРИСТИНА АГАТОВА

Водитель
для Нины

Олимпиада – мастер спорта по неприятностям

Кристина Агатова
Водитель для Нины

«Автор»

2020

Кристина Агатова

Водитель для Нины / Кристина Агатова — «Автор»,
2020 — (Олимпиада – мастер спорта по неприятностям)

Искала работу, а нашла неприятности! Олимпиаду крупно подставили на новой работе - кто-то свел счеты с коллегой прямо в ее смену. Теперь у девушки всего два варианта - сесть за убийство, которого она не совершала, или найти настоящего преступника. Вместе с лучшим другом она ввязывается в расследование, пытаясь лавировать между работой, семьей и... чужим ежиком! Легкая история с юмором и позитивом.

© Кристина Агатова, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Кристина Агатова

Водитель для Нины

Глава 1

Есть много способов сказать: «Я тебя люблю», например «Надень шапку», «Ты не голоден?», «Давай помогу». И лишь один: «Вы нам не подходите, ищите работу в другом месте».

– Мы рассмотрим вашу кандидатуру и перезвоним, когда руководитель примет решение.

Симпатичная блондинка, с аккуратным каре выжидательно посмотрела на меня, показывая, что разговор окончен. Я встала, улыбнулась и кивнула:

– Спасибо за ваше время, буду ждать звонка. Всего доброго, до свидания!

На улице ярко светило солнышко, а деревья успели покрыться первыми зелеными листочками. Немногочисленные прохожие расслабленно улыбались мне навстречу, и я отвечала им тем же. Начало мая – прекрасная пора, и очередной отказ еще не повод расстраиваться! Была бы шея, а хомут найдется!

Я достала из сумки блокнот и поставила очередную палочку – тридцать восьмую. Поиск работы неприлично затягивался, а перспектив не было видно. Не могу сказать, что я сильно рвалась вставать с утра пораньше и тащиться по пробкам туда, где мне будут раздавать указания, но без этого денег, к сожалению, мне не добыть.

Я села в машину и вынула из бардачка телефон. Так и есть – три пропущенных от мамы. Телефон завибрировал, и на дисплее высветилось «Мамуля». Я глубоко вздохнула и провела пальцем по экрану:

– Да, мам, привет...

– Ну что? Чем порадуешь? – требовательно поинтересовалась родительница.

– Чем-чем, перезвонят... как обычно, – мрачно отчиталась я. Этот разговор почти слово в слово повторялся после каждого моего собеседования – тридцать семь раз. Сейчас речь пойдет о личной жизни:

– Что ж такое? Чего ж тебе не везет-то так? Ни мужика нормального, ни работы...

– Мамуль, слушай, я за рулем, давай я попозже перезвоню, ладно? – соврала я.

Разговаривать в сотый раз о том, какая я неудачница, в этот прекрасный день мне совсем не хотелось. Когда ты уже разменял четвертый десяток, полагается иметь и семью, и карьеру, и, для полного счастья, какое-то интересное хобби. У меня нет ничего из вышеперечисленного.

Правда, я немного увлекаюсь фотографией, но называть это громким словом «хобби» я бы не стала – ни выставок, ни конкурсов, ни студии. Птички да бабочки – вот мои шедевры! Так что, ничего интересного я из себя не представляю.

Пару лет назад я принципиально не пошла на встречу одноклассников, сославшись на занятость. На самом деле, мне просто не хотелось позориться. Удивительно, как при неплохих, в общем-то, исходных данных, из меня не вышло ничего выдающегося. Я самая серая мышка на свете. Как в анекдоте про лузера, который на конкурсе лузеров занял второе место. Почему не первое? Потому что лузер...

Я родилась девятнадцатого июля и, угадайте, как называли меня родители? Правильно, Олимпиадой! Да, из всех значимых событий они выбрали именно открытие Олимпийских Игр, хотя это произошло за несколько лет до моего рождения.

К тому моменту в нашей семье подрастало двое сорванцов, и младшенькая доченька оказалась как нельзя кстати. Мама и папа обожали меня и всячески хвалили за любое малозначительное достижение:

– Липочка поет! Певицей будет!

- Липочка прыгнула! Балериной будет!
- Липочка рисует! Художницей будет!

Словом, даже если я просто ела кашу, то я делала это великолепно, талантливо, гениально, восхитительно и неподражаемо. Моих старших братьев, разумеется, родители тоже обожали и, в меру возможностей, баловали. Но мальчишки есть мальчишки, с ними и отец был строже, и мама позволяла себе меньше «телячьих нежностей». Ну, а на мне отрывались за всех троих!

Воспитывать малышня моим родителям помогала бабушка. Ее спешно перевезли из деревни нянчить полугодовалого Серегу – первенца. Не прошло и года, как родился Димка, и пацанов стало двое. Как они жили в двухкомнатной квартире – мама, папа, бабушка и мальчишки-погодки, и не поубивали друг друга – я не знаю. К счастью, через год папе дали четырехкомнатную квартиру, и родители решились на третьего. Так я и появилась на свет – благодаря щедрой советской власти, раздававшей квартиры.

Сама я так и не решилась на ребенка. С серьезными отношениями не сложилось. Пока все вокруг выскакивали замуж, разводились и выскакивали вновь, я твердо верила в то, что уж я-то выберу настоящий бриллиант. Раз и навсегда. Но все, кто проявлял ко мне интерес были, по моим меркам, неудачниками. А мне хотелось принца.

Шли годы. Последний из популярных принцев выбрал другую престарелую дамочку, а я так и осталась одна.

Впрочем, на свидания я периодически хожу, но по моим ухажерам можно смело писать руководство по барановодству.

Некоторые из моих подруг «родили для себя», но для себя я предпочитаю подольше поспать, повкуснее поесть и иногда поваляться на диване с книжкой, а не менять памперсы.

Ах да, вот мне уже хорошо за тридцать, я сижу в машине – одинокая, безработная неудачница, изо всех сил делающая успешный вид.

Делать вид – единственное, что я умею делать относительно сносно.

Вся вторая половина моей жизни – сплошное вранье. Порой мне противно от себя самой, накатывают слезы, нападает хандра. В такие дни я зарываюсь в одеяло и стараюсь не контактировать с внешним миром. Потом прихожу в себя, вылезаю из укрытия, натягиваю улыбку и пытаюсь жить дальше.

Вот уже полгода я безуспешно ищу работу. Денег у меня почти нет, приходится требовать кредитку. Как потом возвращать долг и начисленные проценты – тема отдельной головной боли. Родителям, которые беспокоятся за свое престарелое бестолковое чадо, я усиленно вру, что у меня были накопления, и еще надолго хватит.

Почему я не говорю им правду? Мне элементарно стыдно.

Практически все мои бывшие одноклассники и одноклассники живут гораздо лучше, чем я. Я не смогла преуспеть ни в одной сфере.

Все детство я была уверена в том, что я самая умная, самая красивая и самая талантливая девочка на свете, но потом началась правда. В музыкальную школу меня не приняли по причине отсутствия музыкального слуха и чувства ритма.

– Красивые руки, пальцы тонкие, мог бы выйти толк, – качала высокой прической дама за фортепиано. – Но слуха нет. Это катастрофа.

Еще хуже обстояло дело с танцами. Я весело прыгала целых два занятия под музыку, совершенно не координируя рук и ног. В конце второго занятия, наша молодая учительница подошла к бабушке. Что она говорила, я не слышала, но на улице бабуля купила мне пломбир и сказала:

– Может быть, лучше сходим в художественную студию?

Там меня даже хвалили.

– Девочка прекрасно видит свет, удивительно, просто волшебю, – рассказывала бабушке педагог. – С техникой пока беда, но с этим можно работать. Потребуются дополнительные занятия и финансы, конечно же.

Финансов в семье с тремя детьми было не так много, как требовалось для развития моих способностей, поэтому решено было попытаться счастья в эконо-вариантах.

Я пыталась ходить на курсы кройки и шитья, но не смогла сшить даже игольницу. На занятиях керамикой я слепила уродливый подсвечник в виде носочка, который не понравился даже мне самой. Со спортом не сложилось сразу – при беге я задыхалась, прыгала в длину не больше метра, отжималась два раза, а вместо подтягиваний болталась на турнике сосиской.

В общем, за что бы я ни взялась – все получалось вкривь и вкось. Родители были слишком заняты бытовыми вопросами, а бабушка не хотела мучить любимую внученьку. Поэтому просто махнула рукой и перестала водить меня по кружкам.

Меня это даже радовало – пока другие девчонки топали в ненавистную музыкалку или уставали на танцульках-бегульках, я валяла «дурочку».

Учеба давалась мне легко, и было даже обидно, что моя фамилия – Хрусталева – чаще всего оказывалась последней в списке.

После школы я без проблем поступила в институт, где пять лет изучала иностранные языки.

– Липочка у нас умница, она разговаривает на иностранных языках! – радовались родные. Липочка жила под крылом обожающих родственников и продолжала верить в свою исключительность.

Все встало на свои места, когда я начала самостоятельную жизнь.

В начале «нулевых», когда Серега закончил свой институт, родители продали старую двушку, которую до этого выгодно сдавали, добавили денег и купили три одинаковых однокомнатных квартиры в новостройке. Каждый птенец, получая образование, вылетал из родного гнезда в отдельные пенаты.

Серега уже давно поменял свою норку на шикарные трехкомнатные апартаменты в новом микрорайоне, Димка приобрел дом за городом, и только я до сих пор живу на прежнем месте.

Самая умная и талантливая Липочка оказалась полным нулем без палочки в самостоятельном плавании. Работать переводчиком я сразу не смогла в силу своих неумных амбиций. Сходив несколько раз на собеседования и выяснив, что помимо переводов мне предстоит подавать кофе руководителю, я безумно расстроилась. Разве для этого я пять лет штудировала словари?

Но если с кофе можно было бы смириться, то...

– Понимаете, руководителю требуется человек, который всегда будет рядом, в любой ситуации, – проникновенно глядя мне в глаза, низким бархатным голосом увещевала меня менеджер по подбору персонала в одной известной крупной компании. – Он сильно устает, иногда нервничает, ему требуется поддержка, ласковое слово.

Я понимающе кивала. Разумеется, начальнику нужен личный помощник со знанием иностранного языка – это нормально.

– Вам предстоит ездить с ним в командировки, работать на переговорах, после переговоров, – она многозначительно улыбалась и глядела исподлобья. – В целях экономии средств фирмы, отдельный номер в гостинице вам вряд ли предоставят, поэтому...

До меня, наконец-то, дошло, какая именно помощь требуется руководителю и, видимо, это отразилось на моем лице, потому что девушка быстро выкинула козырь:

– Оплата более чем достойная! Олимпиада, вы девушка молодая, симпатичная, это будет отличный старт вашей карьере!

Не пожелав стартовать из кровати начальника, я решила поискать себя в другой сфере.

Впоследствии выяснилось, что кроме как в продажи, идти мне некуда. Это был удар ниже пояса – названивать клиентам и пытаться им что-то втюхать было выше моих сил. Так началась бесконечная череда поисков работы, трудоустройств, разочарований и увольнений.

Судьба успела меня занести даже в фирму, торгующую пылесосами по цене автомобиля. Ах, пардон, называть этот агрегат пылесосом запрещалось категорически! Я проработала там неделю, названивая и пытаясь назначить встречи вяло отбивающимся людям.

Утро в офисе начиналось с пения корпоративного гимна, а каждая продажа знаменовалась ударом в колокол.

– Козочки мои! – громко мотивировала нас начальница отдела продаж. – Глазки веселее! Нам надо сделать минимум три продажи сегодня! Никого не сливаем – бабушки, дедушки это все – наши клиенты. Нет, не надо мне рассказывать, что у них денег нет. Я знаю, как живут пенсионеры, у них под матрасами такими накопления, что вам и не снилось! Мамочки с грудничками – самые любимые покупатели! Вы давите на нее, а уж она надавит на мужа сама. Ни одна мамочка не захочет, чтобы ее крошечка дышал сапрофитами. Больше эмоций, мои золотые, убедите их, напугайте, надавите на совесть...

Я смотрела на все это дикими глазами, а когда поняла, чем мы занимаемся, просто встала и ушла. Благо, никаких моих документов они при устройстве на работу не требовали.

Я трянула головой. Некогда себя жалеть, осталось еще одно собеседование на сегодня, а впереди выходные!

Напрасно безработных считают бездельниками и лодырями. Если честно, сейчас я бы с удовольствием поменялась местами с какой-нибудь офисной трудяжкой – искать работу это и есть самая сложная работа на свете!

Начнем с того, что желаемое с действительным совпадает процентов на двадцать. Как правило, зарплата меньше, чем хотелось бы, а обязанностей, наоборот, больше. В идеале, хотелось бы ходить на работу пешком, а в реальности – приходится ехать по пробкам. Ну, насчет дружного и приветливого коллектива тоже не все гладко. Про начальника, который не всегда бывает адекватен, я вообще молчу.

При этом, даже работа, которая похожа на желанную, как жаба на пломбир, и то прячется! Иногда, изучая вакансии в Интернете, я изумляюсь – за такие деньги предполагается еще и работать? Да, причем работать качественно. Каждый будний день. С девяти до шести.

Хуже всего то, что последнее время даже на такую работу меня не берут!

Первый месяц я тщательно отбирала предложения о работе – оклад, расположение офиса, название должности, трудовой кодекс... После юбилейного десятого собеседования я снизила планку, но и на работу за меньшие деньги меня не брали, обещая перезвонить.

В конце концов, на тридцать пятое собеседование я пошла с уверенностью, что туда-то уж точно меня возьмут. Заработная плата в размере ста пятидесяти долларов в месяц за полный рабочий день в пятидневку и абсолютно неизвестное название фирмы к этому более чем располагали.

– Как!!! Они!!! Смеют!!! Послать меня! Человека с высшим образованием! – надрывалась я через час после собеседования дома. – Да за такие деньги это они должны ко мне приехать беседовать! Да такие деньги я там не только не должна работать, но еще и вредить могу!

Я схватила со стола стакан, наплескала в него трясущимися от ярости руками воды из фильтра и залпом выпила. Однажды я где-то вычитала, что плохое настроение и депрессивные мысли могут быть симптомом обезвоживания и с тех пор, расстроившись, стараюсь напиться воды.

Стало немного легче, и я продолжила бесноваться.

– Динамично развивающаяся молодая компания! Шарашкина, блин, контора! Сняли офис в дыре и сидят, корчат из себя нефтяную вышку!

Целую неделю я не могла прийти в себя. Этот отказ бесцеремонно нокаутировал меня. Если тридцать четыре раза до этого я относилась с пониманием к тому, что на хорошую работу с хорошей оплатой персонал отбирают тщательно, то в этот раз у меня даже оправданий не нашлось.

На сайте по поиску работы не было новых вакансий менеджера, поэтому я в полном отчаянии полезла в раздел малоквалифицированного труда.

– Так, сети столовых требуется уборщица, – пробормотала я себе под нос. – Так, так, готовность развиваться вместе с компанией. Куда развиваться-то?

Я усмехнулась. Перечитала фразу и засмеялась уже в голос.

– Амбициозная техничка им требуется! Мамочки, до чего я докатилась. Нет уж, такие вакансии нельзя даже в шутку рассматривать – мысли-то материальны!

Плюнув на все, я назначила четыре собеседования на один день, чего до этого не случалось. Для каждой попытки был свой день, свой настрой. А ведь какая разница – пообещают мне перезвонить четыре раза в один день или по разу в разные четыре дня? Зато, чем больше я отвечаю на дурацкие вопросы, тем опытнее становлюсь и тем ближе я к успеху по теории вероятности.

Я настроилась как можно оптимистичнее и поехала к следующему предполагаемому месту работы. Сейчас в очередной раз заполню километровую анкету, расскажу заученный текст о себе, пройду пару тестов для особо одаренных среди умственно отсталых, выслушаю обещания перезвонить, отправлюсь домой и на два дня постараюсь забыть о том, что я безработная.

Если честно, мне совсем не хочется работать летом. Если бы не деньги и долги, то я бы отложила этот вопрос до осени. Ну, согласитесь, летом можно придумать занятия поинтереснее, чем планерки и отчеты?

Неожиданно снова завибрировал телефон. Высветившийся на дисплее номер показался знакомым. Я приняла вызов.

– Олимпиада Валерьевна! – зачирикал бодрый девичий голосок. – Это Екатерина Королева из СпецИнвест, вы проходили у нас собеседование в среду, и я обещала вам перезвонить по поводу решения о вашей кандидатуре на должность менеджера. Скажите, пожалуйста, Олимпиада Валерьевна, поиск работы все еще актуален для вас?

Я настолько изумилась тому, что мне перезвонили, как и обещали, что даже не нашла, что ответить.

– Олимпиада Валерьевна? – встревожился голосок. – Это Екатерина...

– Да, да, да! – пришла я в себя. – Здравствуйте, Екатерина! Разумеется, я вас помню, и поиск работы все еще актуален для меня.

Я испугалась, что меня могут счесть туповатой за такую задержку ответа и решила оправдаться:

– Извините, что не смогла вам сразу ответить – нахожусь за рулем...

Екатерина не дала мне договорить:

– Хорошо, я вам перезвоню через пятнадцать минут. Безопасность – превыше всего.

Я припарковалась. Вот так номер – неужели меня решили уведомить о принятии решения? Впрочем, вероятнее всего, оно является положительным. Вряд ли Екатерина обзванивает всех соискателей, чтобы расстроить их отказом.

Несмотря на теплую погоду, меня вдруг стало потряхивать. Я получу работу? Наконец-то я смогу зарабатывать? Наконец-то я смогу перестать врать всем про творческий поиск и творческий кризис? Родители перестанут вздыхать при разговоре со мной? Возможно, я даже познакомлюсь с кем-нибудь на этой работе...

Я замечталась. Вот я через пару лет – в дорогом изысканном костюме даю интервью:

– Когда я ехала устраиваться в СпецИвест, я и не подозревала, на какие карьерные высоты занесет меня судьба. Я возглавляю рейтинг самых успешных женщин нашего региона, но не в этом счастье. Счастье мое в том, что в нашей с мужем семье скоро будет прибавление! Миллионы не сделали меня такой счастливой, как эти две яркие полосочки, подтверждающие, что скоро мы станем родителями...

Я вздохнула. Вряд ли эта работа даст мне столько. Вероятнее всего, я просто погашу кредитку и смогу обеспечивать себя продуктами и недорогой одеждой. В лучшем случае, съезжу на море. Стыдно признаться, но я ни разу не была за границей, в то время как все мои знакомые чаще бывают в Турции, чем на даче.

На дисплее вновь высветился номер, и я не замедлила схватить трубку:

– Да, Екатерина!

– Олимпиада Валерьевна, теперь вам удобно разговаривать?

– Да, конечно! – бодро отработала я. Может быть, следовало самой перезвонить ей, дабы показать свою инициативность?

– Ваша кандидатура одобрена. Все условия, озвученные на собеседовании, в силе. А именно – официальное трудоустройство, полный соцпакет, белая зарплата в размере оклада и премиальной части. Две недели стажировка, далее – полноценная работа. Сможете приступить в понедельник?

– Да, конечно смогу, – я старалась отвечать уверенно и спокойно, но от волнения язык онемел и еле ворочался во рту. – Подойду к девяти утра со всеми документами. Или необходимо приехать пораньше для оформления договора?

– Нет необходимости подъезжать к девяти, – засмеялась Екатерина. – На время стажировки у вас собственный график – с одиннадцати до трех, но без перерыва на обед. Обучение буду проводить я. Кстати, раз уж такое дело, то может быть перейдет на «ты»?

– Да, с радостью, – проблеяла я.

– Ну и отличненько! Подходи в понедельник к одиннадцати, оформим тебя и начнем учить. Ничего сложного в нашей работе нет, разберешься быстро.

Я угукала в трубку, изо всех сил стараясь не спугнуть свою удачу.

– Ладно, при личной встрече познакомимся поближе. Жду в понедельник!

Екатерина отсоединилась. Мое сердце колотилось так, как будто я пробежала марафон. Неужели полгода поисков увенчались успехом?

Нельзя обижать изобильную Вселенную неблагодарностью. Я вздохнула и набрала номер последнего места собеседования, чтобы отменить встречу.

Глава 2

Выходные прошли в радостном предвкушении и подготовке.

Родители несказанно обрадовались, услышав о моем долгожданном успехе. Впрочем, это не помешало маме капнуть дегтем:

– Ты ведь еще можешь и не пройти стажировку...

Ругаться с самым близким человеком мне не хотелось, но настроение катастрофически испортилось. Почему нельзя просто порадоваться? Зачем обязательно вбивать в мою и без того замороженную голову негативные сценарии?

Родители всегда желают лучшего для своих детей, но при этом умудряются поломать судьбы любимых отпрысков. Согласитесь, когда самый авторитетный человек прямо заявляет вам, что вы – неудачник и ничего не добьетесь в жизни, вы ему верите. О, конечно есть и те, кто наперекор всему кидаются грудью на амбразуру и, сквозь тернии, летят к звездам, лишь бы только доказать: «Я – не неудачник!». Но большинство с детства привыкает слушать маму. И хорошо если мама в своем педагогизме только охает и ахает. А ведь есть и такие матери, которые называют своих детей «будущими алкоголиками», «тунеядцами», «уголовниками».

Подумайте, что еще остается ребенку, как ни оправдывать возложенные на него ожидания?

А все ради чего? Ради того, чтобы родители по итогу прожитых лет посмотрели на искалеченную жизнь родного чада и удовлетворенно-горестно резюмировали: «Я же говорил, что ничего путного из тебя не выйдет!»

Моя мама, конечно, никогда не унижала меня. Она нашла свой путь – бесконечная жалость. Мамочка действительно очень любит меня и желает добра, но она постоянно ожидает самого худшего и, когда ее прогнозы сбываются, она вздыхает и начинает причитать:

– Бедная моя девочка, как тебе не везет, моя несчастная, за что ж тебе такое?

В общем, я стараюсь не посвящать никого в свою жизнь, чтобы лишний раз не нарваться на негатив. Но шила в мешке не утаишь, поэтому иногда приходится докладывать о переменах и стараться не слушать реакцию мамы.

И если ее ахи-вздохи по поводу денег и безработицы еще можно не принимать близко к сердцу, то все что касается потенциального замужества – мой персональный ад. Наверное, из-за того, что я и сама верю в то, что счастье мне не светит.

Все мои отношения заканчивались болезненными разрывами, после которых я зарекалась иметь дело с представителями сильной половины человечества. Был даже период, когда я почти всерьез собиралась найти себе женщину. К счастью, это прошло, но и с мужчинами тоже не сложилось.

Порой мне приходят в голову глупые мысли о венце безбрачия и проклятии. Чем еще объяснить тот факт, что все мои бывшие – давно и счастливо женаты? Каждый очередной кавалер, с треском захлопнув за собой мою дверь, радостно бежал на свободу, где за пару-тройку месяцев встречал свою «одну-единственную» и шел с ней под венец.

Самое интересное, что спустя какое-то время, остыв, они все пытались наладить со мной хорошие отношения. Учитывая то, что убегали они от меня с проклятиями и пожеланиями мне скорой мучительной гибели, такое рвение к дружбе я не понимаю и не одобряю.

– Липа! – ворвалось в ухо. – Ты чего зависаешь?

Я очнулась от воспоминаний.

– А?

– Я спрашиваю, далеко ли от дома твоя работа? – повторила мама вопрос.

– Не очень, – обтекаемо ответила я. – Если без пробок, то минут десять, а если с пробками, то можно и час ехать.

Мама покачала головой:

– Выходи пораньше, нехорошо с первых дней начать опаздывать. А я-то тебя прекрасно знаю – ты не можешь не опаздывать. Ты даже родилась на пару недель позже срока. Как можно опоздать на собственное рождение? Спросите у нашей Липы! Так что встанешь пораньше, выйдешь за час, ничего с тобой не случится. Трудовую дисциплину никто не отменял.

Вот, так всегда. Для мамы я – маленькая девочка, которая сама не понимает даже очевидных вещей. И так будет вечно.

В понедельник без четверти одиннадцать я стояла возле кабинета Екатерины, пытаюсь не выдавать волнения. На самом деле, я приехала в десять, потому что в восемь утра мне позвонила мама и напомнила выйти пораньше. Я собралась за сорок минут и не придумала, чем занять себя в оставшееся время, поэтому поехала на работу.

– Олимпиада! – окликнула он меня, увидев, как я переминаюсь с ноги на ногу, не решаясь войти. – Чего ты там топчешься, проходи!

– Просто мы договаривались на одиннадцать, я пришла немного пораньше и не хотела тебя отвлекать, – попыталась оправдаться я. Катя отмахнулась.

– Не от чего отвлекать-то, работы нет, тухнем потихоньку.

Я удивленно подняла брови, и она тут же спохватилась:

– Да ты не переживай, это просто сезон – сейчас временно весеннее затишье, летом будет нарастание объемов, а уж после сезона отпусков пойдет такой шквал заказов, что ты просто обалдеешь. Слушай, – вдруг резко сменила тему Катя. – У тебя такое замысловатое имя, но, мне кажется, оно немного длинновато. Как тебя называют друзья? Липа?

Я широко улыбнулась:

– Многие зовут меня просто Олей. Большинство из тех, с кем я обычно общаюсь, даже не в курсе, что я не Ольга, а я и не возражаю. Сейчас есть мода на экзотические имена, но во времена моего детства все было незамысловато, поэтому удивления и восхищения порядком надоели. Так что я всегда старалась быть как все и представлялась самым простым именем, которое только можно было себе позволить. Зови меня Оля!

– А, ну и отлично, договорились, – обрадовалась Катюша. – Оля – это хорошо. А теперь, Оленька, давай попьем чайку, и я расскажу тебе о том, чем мы занимаемся, и чем будешь заниматься здесь ты.

Из недолгого рассказа моего куратора стало понятно, что фирма СпецИнвест занимается всем понемногу – аутсорсинг по нескольким направлениям. Как уживаются в одной компании бухгалтера и сантехники – загадка века. Но они не только уживаются, но и приносят огромные доходы «отцу основателю». Один из главных секретов в том, что все подразделения, хоть и являются абсолютно разными, работают, как единый организм.

Моей же задачей будет являться сопровождение отдела мастеров.

– Работать ты будешь со мной посменно. Два дня – мои, два дня – твои, – неторопливо рассказывала Королева. – У нас сейчас небольшие передвижки. Пока я тебя стажирую, на нашем месте работает Нина Лапина, попозже мы с ней познакомимся. Потом она уйдет в другой отдел, а мы – на ее место.

– А почему уходит Нина? – полюбопытствовала я.

Катя замялась.

– У нас начальник – довольно своеобразный мужчина. Требовательный, иногда довольно суровый. В общем, Нине будет лучше в архиве. Филипп Олегович сказал, что не хочет слышать, как она разговаривает с клиентами. Она довольно резка на язык и любит доминировать в разговоре. Сразу тебя предупреждаю, – доверительно понизила голос девушка. – С клиентами всегда только ласково-ласково, если Филипп Олегович услышит, что ты недостаточно учтиво ответила, то...

Я улыбнулась.

– Постараюсь найти с ним общий язык.

Катя тут же испугалась и замахала руками:

– Не вздумай даже, он даже не женат, и ты поймешь почему!

– Да я не об этом, даже в мыслях не было, – расхохоталась я. – Я ведь его даже не видела ни разу!

– А там есть на что посмотреть, но я тебя предупредила, – подмигнула она мне. – Через неделю он вернется из командировки – познакомитесь. Ладно, давай все же к работе. А потом снова – чайку хлебнем. Пока можно расслабиться.

Всю неделю я исправно ходила на стажировку, на которой больше пила чай, чем обучалась. Впрочем, материалы я уносила домой и вечером учила бесконечные списки услуг и прейскуранты. На память и усидчивость я никогда не жаловалась, поэтому незнакомые названия и цифры стройными рядами укладывались мне в голову.

Никаких сложностей в работе я пока не видела – принимать-раздавать заявки и вести учет. Справилась бы даже макака.

От этой мысли мне становилось немного обидно. Не о такой карьере я мечтала в детстве, да и не за этим над словарями пять лет сидела.

Но, какая-никакая, а эта работа – единственная у меня, на данный период времени. Пока буду зарабатывать на жизнь, а если что-то не устроит – можно ведь искать другую работу. На это у меня будут выходные. Посменный график, в этом отношении, идеален.

В пятницу я уже с утра предвкушала выходные. Я уже детально представила себе, как куплю торт и поеду к родителям – праздновать вместе мою знаменательную победу на рынке труда! От осознания того, что мама наконец сможет мной гордиться, моя улыбка была видна даже со спины.

– Пойдем, я познакомлю тебя с Ниной. Сегодня ты посидишь с ней, посмотришь, как она работает, – с порога обрадовала меня Катя. – Не надо ее стесняться и бояться – она хорошая. Если будут вопросы – обязательно задавай. А уже на следующей неделе будем тебя потихоньку запускать на клиентов. Ну, и с мастерами познакомим. Побежали!

Бежать пришлось далеко. Пока мы петляли по переходам и лестницам Екатерина мне объясняла:

– Наше подразделение располагается в корпусе Б, но пока мы с тобой не приступили к работе, мы «живем» в корпусе А. Казалось бы, А – лучше, но нет! А – это центральный корпус, проходной двор, проще говоря. Всего у нас четыре корпуса, у каждого свой вход со двора. Дворик один, да. Ну, ты видела его, там ребята курят обычно и припарковаться можно.

Я кивнула. Еще в первый день стажировки я заметила арку, ведущую к дворику с парковкой, но постеснялась туда заезжать. Я так долго искала эту работу, что просто не имею права занять чье-нибудь парковочное место и настроить коллектив против себя. Вот освоюсь, примелькаюсь, стану «своей», тогда и обзаведусь драгоценным личным автопространством. А пока можно и от соседнего двора побегать.

Моя провожатая, тем временем, продолжала:

– Из корпуса в корпус проще всего попасть через двор – выходишь, сигаешь в соседнюю дверь, вот и все путешествие. Но я тебе показываю «зимний путь». Он длиннее, зато на улицу выходить не надо, что актуально в морозы. Хотя, тебе не придется часто бегать по корпусам. В нашем околотке есть все для счастья. Особенно бухгалтерия и касса, где выдают честно заработанные деньги.

Наконец мы пришли. Я ахнула:

– Вот это да!

Стены корпуса были разукрашены сценами из русских сказок. Пока мы шли по коридору, я узнала «Репку», «Курочку Рябу» и, кажется, Богатырей с дядькой Черномором.

– Раньше в этом корпусе располагалась детская художественная школа, но ее потом закрыли. Почти двадцать лет прошло, а рисунки как новые.

– Жаль, что закрыли, – протянула я. – Детям нужны кружки.

– Знаешь, как говорится? Всех много, а всего – мало. Поэтому всего на всех не хватит. Денег где на кружки взять? Государству финансировать детское творчество неинтересно, спонсоров тоже найти не так-то просто, а родителям – дорого. Это, кстати, не ирония. Вот так и захирела художка.

– Такое ощущение, что ты присутствовала при закрытии, – улыбнулась я.

– А я и присутствовала! Моя мама работала здесь руководителем. После закрытия пошла на рынок торговать пуховиками. Я тогда в школе училась, деньги нужны были. А на рынке платили каждый день.

Катя как-то сникла. Я решила ее поддержать:

– Тогда у всех были проблемы с деньгами. Это сейчас никого не удивишь скачками курсов валют, а тогда все бегали с выпученными глазами. Мы купили компьютер – жуткий монстр, но по тем временам неплохой, – отдали всю валютную заначку! А буквально через месяц готовы были волосы на всех местах рвать.

Это, кстати, истинная правда. Один компьютер у нас уже был, но, поскольку нас было трое, то за него шла нешуточная борьба. Как самая маленькая, я проигрывала. «Мальчишки – студенты, им компьютер нужен для работы. Подождут твои игрушки, никуда не денутся. Со временем и тебе комп купим, твой собственный», – обещали родители.

Мама с папой не обманули – мне, студентке, торжественно презентовали новенький компьютер. Стоил он каких-то совершенно бешеных денег, но от того был еще более желанным. Сейчас он безнадежно устарел и валяется в гараже, потому что выбросить его не поднимается рука. Но тогда он был последним словом техники! Огромный по тем меркам семнадцатидюймовый монитор, размером с аквариум, вызывал приступы зависти у всех моих друзей.

Если бы мы немного подождали или, хотя бы, потратили рубли, а не доллары, то смогли бы купить хоть три таких агрегата. Но провидцев в нашей семье не было, так что мы «ухнули» валютные сбережения и остались с обесценившимися рублями. Запретив себе даже думать о том, что было бы «если бы», мы постарались просто получать удовольствие от покупки и всей семьей подсели на «бродилки» и «стрелялки». С тех пор мы копим и храним деньги только в долларах, а последние несколько лет и в евро, и тратим их только в самых крайних случаях.

Говоря «мы», я сейчас немного приукрасила – небольшие сбережения есть только у моих родителей, а я пока коплю только долги на кредитке.

Пока я предавалась воспоминаниям, мы дошли до конца коридора, и Катюша толкнула дверь:

– Нинуля, здравствуй! Не помешали?

Полноватая брюнетка с длинными прямыми волосами подняла ладошку, одновременно приветствуя нас и призывая к тишине. Другой рукой она прижимала к уху мобильный:

– ... всего хорошего, до свидания! – попрощалась она и улыбнулась нам. – Вы прямо вовремя! Вот, значит, кто меня с насиженного места прогнал?

Мне стало неловко, хотя я и не могла объяснить за что. Нину переводят по каким-то внутренним причинам, но я, вроде как, соперница. Я открыла рот, намереваясь что-то сказать, но не успела, потому что Нина заливисто расхохоталась:

– Расслабься! Видела бы ты свое лицо сейчас! Пошутила я, это Филиппок – чудила, а ты тут вовсе не при чем.

– Нина, – предостерегающего начала Катя. – Не надо.

– А чего не надо? Я молчать должна? Нравится вам кланяться нашему шизу – на здоровье. Ты не знакома еще с его Величеством Филиппом Говноедовичем? – обратилась она ко мне. – Ах, ну да, его Светлость изволила отвалить в командировку.

– Не начинай, – вздохнула Королева. – У нас на Олю вся надежда, если она сейчас испугается и убежит, то придется вам с Разумовским друг друга еще пару недель терпеть.

– Я не пугливая, – встряла я.

– Угу, – согласилась Нина. – Удачи тебе тут. Я до жути счастлива свалить в архив, подальше от нашего цареголового. Кстати, меня Нина зовут. Тебя Оля, да? Можешь звать меня Нина Александровна! Шучу. Зови, как хочешь. Сейчас, девочки, посидите две минутки, до тубзика добегу и пулей обратно.

Мы остались вдвоем.

– Оля, ты не обращай внимания, ладно? Лапина, на самом деле, очень любит свою работу. Просто у них с Филиппом... – она запнулась. – С Филиппом Олеговичем, мягко говоря, терки. Он любит все контролировать, а она у нас – человек свободный. На этапе, когда это направление требовалось развивать, нужен был как раз такой человек – умный, решительный, инициативный. Нинуша с нуля развернула такую деятельность, что теперь едва ли не четверть оборота всей компании держится именно в этом отделе. Работа стабилизировалась, и Филе потребовался притертый винтик – простой исполнитель его воли. Нинка стала лишней, вот он ее и турнул. Непорядочно и некрасиво. Но его можно понять – она умная и хваткая. У нее были все шансы скинуть его с должности, самой возглавить отдел.

– Почему же тогда она уходит?

– Это не ее желание. Пока Разумовский что-то может решать, он за нее и решил. Но, надо отдать ему должное, он ей зарплату вышиб раза в полтора больше, чем она сейчас получает, к тому же – сумма стабильная, от количества заказов никак не зависит.

– Чем же она недовольна? – изумилась я.

Катя махнула рукой:

– Сам факт – когда надо было поднимать дело, пахать, придумывать, вертеться, Нина была нужна. Как только все наладилось – получай пинка под зад. Некрасиво это. Да и нравится ей тут – и клиенты, и штат сотрудников, живое общение. В архиве что? Бумажки. Для бабушек работа!

– Может, для интровертов? – предположила я.

– Может и для них, да только Нина без людей зачахнет.

В этот момент вернулась Лапина:

– Что, змеюки, шипите? – шутливо прищурилась она. – Поди, все кости мне тут перемили?

– Олечка, Нина шутит... – начала было Катя, но Нина ее тут же перебила:

– Так, Екатерина Анатольевна, ну что за детский сад? Посмотри на Олю! Кого ты видишь? Дуру? Я вижу взрослого адекватного человека, который прекрасно понимает юмор и не делает трагедии из знакомства с коллегами. Оля, я права?

Я кивнула.

– Вот видишь? Я права. Короче, завязывай опекать девочку, она уже большая, сама разберется и в обиду себя не даст. Так?

Я снова кивнула.

Катя влезла:

– Мы тут шутим, нам можно, но если мастера начнут себе много позволять, то сразу их на место ставь. Не позволяй лишнего. А то они начнут с тобой брататься, потом на шею сядут. Будут выкаблучиваться, мол, к «своим» отношение особое. А у нас ко всем отношение одинаковое. Если дать им слабинку, то вся работа встанет! Будут заявки себе получше выбирать, а ты еще и виноватой окажешься.

– Запомни, ты – их начальник, – жестко сказала Нина. – Тебя должны уважать, немножко бояться, чуточку ненавидеть, но ни в коем случае, никогда не держать за «свою». Ты не «своя» –

ты выше! Сначала будет немного тяжело, но потом привыкнешь командовать. За уши не оттащишь!

Впервые за последние полгода я почувствовала, что все будет хорошо.

Внезапно дверь распахнулась:

– А кто это тут у нас скучает? – раздался вкрадчивый тенор. – Ой, Нинуша, ты не одна?

– Знакомьтесь, – махнула рукой Лапина. – Это Оля – будет работать на моем месте. Оля, это – Игорь Васильевич Тетерин, занимается тем, что просиживает штаны.

Покрасневший до корней своих русых волос Игорь кивнул мне:

– Очень приятно, просто Игорь.

– Взаимно, – ответила я и улыбнулась. – Просто Оля.

Глава 3

К концу первого рабочего месяца я чувствовала себя в коллективе, как рыба в воде. Казалось, что я работаю с этими ребятами уже десять лет!

Начальник, против ожиданий, произвел довольно приятное впечатление. Хотя Катя, по секрету, посоветовала мне не расслабляться.

– Пока ты качественно выполняешь свою работу и беспрекословно следуешь всем его указаниям – ты молодец. Как только ты посмеешь что-то возразить – сразу хана. Он будет с тобой мил и любезен только до тех пор, пока ты его во всем устраиваешь.

– Приказы не обсуждаются, приказы исполняются? – хмыкнула я известную армейскую истину.

– Именно, – чересчур серьезно отреагировала Катюша. – Ты – начальник, я – дурак. Это единственный способ сохранить место, зарплату и нервы.

– Да ладно тебе! – легкомысленно отмахнулась я. – Все руководители обладают манией величия. Тем более, еще Нина говорила, что мы для мастеров – начальство и нас должны немного ненавидеть и бояться. Думаю, и нашего начальника мы должны немного ненавидеть и бояться!

Моя напарница усмехнулась:

– Знаешь, из-за чего он расстался со своей последней девушкой?

– Из-за чего? – проявила я уместное любопытство.

– Из-за того, что она после мытья посуды не закрывала крышечку на баночке со средством.

Видимо, на моем лице отразилось полное непонимание, поэтому Катя попыталась разъяснить:

– Ну, средство! Для мытья посуды! Сверху у него крышечка! Ты ее откидываешь и из дырочки выдавливаешь средство на губочку. Поняла, да?

Я кивнула.

– Ты после этого закрываешь крышечку?

Я задумалась. Закрываю ли? Да я даже не обращаю внимания на такие мелочи. Я честно ответила:

– Сложно сказать. Раз я не могу вспомнить, значит, видимо, не закрываю. А еще это означает, что меня точно не парит этот момент хозяйственной жизни.

– Никого не парит, – обрадовалась Королева. – А его – парит. Прямо даже кипятит!

– Так и кто кого по итогу бросил-то? Он ее за бесхозяйственность? Или она его за занудство?

– Поди, знай, – многозначительно подмигнула Катюша. – И, я подозреваю, это не единственный пункт. Знаешь ли, зубная щетка повернута не на север головкой, постиранные носки сложены баранкой по часовой стрелке, а не против...

– Ручки кружечек повернуты в разные стороны, – радостно подхватила я.

– Не, – понизила голос напарница. – В одну. Но под разным углом.

Я вспомнила этот разговор и широко улыбнулась. В душе было тепло и спокойно. Я подошла к машине уверенной походкой, рисуя в воображении картины обеспеченного будущего. В них моя «букашка» была Мерседесом, не меньше.

Я села и привычным движением далеко вытянула ремень безопасности.

– Да уж, миллионерша! – сразу вернула я себя в реальность. – Денег хоть бы на ремонт ремней заработать пока. А уж потом и мерседесы, и загородные дома, и богатые женихи.

Еще зимой я отломала ушко у ремня, и теперь вместо гладкого пластикового бока защелка заканчивалась острым, как бритва, металлическим уголком. Ездить это не мешало, а

пристегиваться я уже принооровилась – если вытянуть ремень достаточно далеко, то при зашелкивании не поранишься. Хотя, первый месяц я регулярно напарывалась манжетой пуховика.

Впрочем, сегодня мне должны выдать первую зарплату. В такой день даже солнце светит ярче, а птички поют громче. В выходные поеду в сервис и заменю ушко. А в следующую смену куплю торт и проставлюсь, чтобы окончательно закрепиться в коллективе! Главное – не опозориться и не накосячить, потому что новой эпопеи по поиску заработка я просто не выдержу!

Я вспомнила случай на старой работе. В маленькую фирму срочно требовался менеджер по продажам натяжных потолков, так что взяли меня, умеющую считать периметры и площади, долго не раздумывая. Я работала всего лишь третий день, но уже чувствовала себя довольно уверенно – программа по расчетам оказалась легкой, а разговаривать с клиентами я всегда любила.

Я скучала в офисе одна. Звонков не было, а дизайнер Людочка побежала в соседний супермаркет за булочками к чаю.

Внезапно дверь открылась, впуская уличный мороз, и на пороге появилась дородная тетенька в пушистой коричневой шубе и такой же шапке:

– Я – хомяк! – с ходу заявила она. Я растерялась. Она пробуравила меня взглядом своих глубоко посаженных глаз и чуть агрессивнее повторила:

– Я – хомяк.

– Здравствуйте, – промычала я. – Очень приятно. Проходите, присаживайтесь.

Тетка пошла на меня. Я испугалась. Я не слишком пуглива, но когда на тебя танком прет полторы сотни живого веса, называющие себя хомяком, то поневоле струхнешь. А вдруг она на меня кинется и начнет жрать?

Или хомяки не едят мясо?

Она бухнулась на стул и припечатала:

– Я вчера весь вечер разглядывала ангелочков в облачках. У меня голова лопается!

Вот тут я перепугалась по-настоящему. Тетя-то, похоже, с левой резьбой. Считает себя хомяком, даже нарядилась в хомячью шубку. Ангелочков в облачках разглядывает. Больная, точно. А я, как назло, совсем одна!

Я вскочила со стула и попятилась к двери кухоньки. Запрусь там, и она меня не достанет! Надо только прихватить телефон и вызвать неотложку.

– Посидите минутку, я принесу вам чаю, – охрипшим от ужаса голосом просипела я и быстро юркнула в пищеблок.

Тетка что-то пробормотала в ответ, но я уже захлопнула дверь и обессиленно сползла по косяку. Ноги отнимались, меня сотрясала крупная дрожь. Негнущимися пальцами я стала тыкать в кнопки. Наконец, я попала на оператора.

– Девушка, миленькая, – быстро-быстро зашептала я. – Я работаю в фирме натяжных потолков. Нахожусь в офисе одна. Сейчас пришла странная женщина в коричневой шубке и шапке. Она называет себя хомяком и утверждает, что видит ангелов!

– Посетительница ведет себя агрессивно? – спокойно осведомились на том конце провода.

– Я не знаю, я убежала. Мне страшно, вдруг она на меня набросится, – почти завывала я в трубку, леденя от ужаса.

– Диктуйте адрес, – вздохнула собеседница.

Я быстро продиктовала все, что необходимо и стала нарочито громко греметь посудой, приговаривая:

– Сейчас сделаю чай, вкусный, крепкий, с сахарком...

Хлопнула входная дверь – вернулась Людочка. Мне было до смерти страшно, но я не могла бросить ее одну в такой ситуации, поэтому, на подгибающихся ногах выползла из укрытия. Я утешила себя тем, что с нами двумя тетка-хомяк так просто не справится.

– О, Елена Валентиновна, добрый день! Выбрали картиночку? – почему-то радостно поинтересовалась Люда.

– Ох, Людмила, даже не спрашивайте! Всю ночь разглядывала! Выбрала шесть штук, номерочки записала. Посмотрите своим опытным взглядом – хорошо ли будет? Не могу определиться – то ли облачка сделать, то ли херувимчиков. А может, лучше вообще белый оставить?

– Так-так-так, – отозвалась Люда, быстро щелкая мышкой. – Фотопечать. Спальня. Ангелочки. Ага. Вот, давайте посмотрим примеры из каталога!

Господи, какая же я дура! Ангелочки в облачках! Это всего лишь картинки для фотопечати на натяжном потолке! Но почему Елена Валентиновна считает себя хомяком?

– Оленька, – вдруг вспомнила про меня Люда. – Найди, пожалуйста, договор номер четырнадцать сорок три.

Я достала пухлую папку и молча принялась листать. Во рту пересохло.

Хомяк Елена Валентиновна – значилось в графе «Заказчик». Так глупо я себя не чувствовала никогда в жизни. На том месте я не проработала и месяца – начальник счел меня конфликтной из-за одного дурацкого случая, не имеющего отношения к Хомяк. Он был готов оставить меня, но для искупления вины пришлось бы работать на голом окладе еще месяц, а с учетом расходов на дорогу и питание, дешевле было продолжать сидеть дома. А если уж совсем честно, мне было очень обидно оправдываться за то, в чем не было моей вины, и я рассудила, что обойдусь без этой вакансии.

Пока я предавалась воспоминаниям, моя букашка резво долетела до места назначения. Я заехала во дворик и припарковалась возле клумбы, краем глаза отметив, что последние три цифры на одометре оказались зловещей комбинацией из шестерок.

Впрочем, я не суеверна.

Я пикинула сигнализацией и побежала работать.

Утро выдалось на редкость суматошным. К обеду у меня возникло ощущение, что мой кабинет каким-то чудом превратился в проходной двор, потому что за три часа ко мне зашло семь человек, каждый по два-три раза. К счастью, многим из них мое внимание даже не требовалось – народ нырял в закуток за шкафом, где стоял чайничек и висела моя ветровка.

– Ну, вы хоть воду набирайте! – в отчаянии воскликнула я, в очередной раз обнаружив пустой чайник. – Раковина же рядом! Даже ходить никуда не надо. Но нет, прийти и выпить чаю – всегда пожалуйста, а налить водички и вскипятить – зачем? Оля все сделает!

– Олик, а Олик! Чего возмущаешься?

Я выглянула из-за шкафа и обнаружила Костю Герасименко.

– О, какие люди! Константин Сергеевич, не желаете ли чайку? – язвительно поинтересовалась я. – А то крепостная Оля снова чайник наполнила.

Костя зашел в закуток и принялся шуршать пакетиками с пряниками и сахаром. У меня зазвонил телефон, и я оставила коллегу чаевничать, а сама побежала отрабатывать премию.

Договорив с клиентом, я отложила телефон и снова принялась жаловаться:

– Почему каждый, кто заходит попить чаю, считает, что его приносят феи? Никому не приходит в голову, что воду нужно снова набрать, вскипятить! Почему я все делаю за вас?

– Ты так возмущаешься, как будто за водой реально с коромыслом до колодца сгоняла и самовар сапогом растопила! – засмеялся Костя. – Не сердись, давай я тебе лучше пироженку-мороженку из магазина принесу, а? Ты какую любишь? Не говори! Я сам выберу!

Он убежал, а откинувшись в кресле и прикрыла глаза. В конце концов, подожду Костю – пустой чай гонять не так вкусно. Да и сладкое стимулирует выработку гормонов радости, а их мне сейчас сильно не хватает. Казалось бы – непыльная работенка, разговаривай себе по телефону, да радуйся! То ли дело строители, шахтеры, грузчики – вот кто устает. Но нет – работа с людьми выматывает не хуже кросса на десять километров.

Мы работаем, когда вы отдыхаете – самый подходящий лозунг для менеджеров на телефоне. Шквал звонков обрушивается чаще всего именно в обед. Логика проста – у работающих людей есть время на решение личных вопросов именно на перерыве, либо уже после окончания рабочего дня. Но, чаще всего, клиенты уверены, что вечером звонить бесполезно, поэтому стараются успеть за свой законный личный час.

Официально у меня тоже есть обед, но я никогда не пропущу звонок, ведь каждый клиент – это плюсики в зарплатную карму, поэтому обедаю я, когда придется. Вот сегодня придется подождать Костю...

Мои размышления прервал телефонный звонок, и я вновь с головой погрузилась в работу.

Через полтора часа поток трезвонящих клиентов так же резко стих, как и нахлынул, а Герасименко все не было. Я снова поставила чайник, рассудив, что и так – лучше, чем ничего, и, наконец, дверь распахнулась, и в образовавшуюся щель пролезла рука с коробочкой, в которой угадывалось что-то с кремом. Следом за рукой появился и ее владелец.

– Да уж, Костик, тебя только за смертью посылать, – хмыкнула я. – Ты их сам пек что ли?

– В смысле?

– В коромысле! – схохмила я. – Чего так долго ходил?

Костя выглядел как-то неважно.

– Да закрутился, завертелся, дела, будь они неладны! Прости, Олик, кушай, не обессудь.

– Сколько с меня? – уточнила я. Одно дело – когда тебя угощают, а другое – когда для тебя сходили в магазин. Да и, по сути, Костя мне никто – просто коллега. Во избежание недо-разумений, лучше расплачиваться сразу.

Я вспомнила один случай с очередной бывшей работы. Рядом, за соседним столом трудилась милая и приветливая Юлечка. Огромные голубые глаза всегда невинно хлопали, а на губах постоянно играла улыбка. Я считала Юленьку ангелом! Я только укрепилась во мнении, когда она, придя из магазина, протянула мне бутылочку с йогуртом и сказала:

– Вот, тебе купила. А то целый день сидишь голодная!

Я с благодарностью выпила угощение и даже не подумала о деньгах. А через несколько дней случайно стала свидетелем ее телефонного разговора. Я ушла в буфет, но на половине пути поняла, что забыла кошелек, вернулась за ним и услышала, как оставшись одна, Юля с кем-то разговаривает. Подслушивать нехорошо, но, когда я услышала, что речь идет обо мне, я по-женски не удержалась.

–...да, с этой стервой работаю! Такая крыса, я в шоке! Ну, ты представь, какая жадная сучка! – жаловался «ангел» невидимому собеседнику. – Я ей йогурт купила, она его прямо при мне выпила и даже не предложила денег! Выжрала, свинья, чуть крышечку не облизала. Такая ду-у-ура!

Я потихоньку отошла от двери. Кушать резко расхотелось. Вообще-то, я не просила Юлю покупать мне йогурт – она сама проявила инициативу. И, да, каюсь, мне действительно не пришло в голову предложить ей денег! Вы, когда в гости приходите и пьете чай, ведь не предлагаете денег хозяину? Вот и я предположила, что меня угостили.

Некрасивая история научила меня либо отказываться от угощений, либо предлагать за них деньги.

– Сочтемся, – легкомысленно бросил Костя. – Держи!

Он протянул мне коробку. Я попыталась ее перехватить, но она оказалась чуть тяжелее, чем я думала. Коварный полиэтилен выскользнул из пальцев, и я успела мысленно попрощаться с десертом, но Костик оказался быстрее и успел подхватить падающее буше левой рукой.

– Ой, – воскликнула я, взглянув на его запястье. – У тебя кровь!

Он одернул рукав и засмеялся:

– Да, парник вчера на даче ставили. Мне-то все эти грядки и тяпки нигде не долбят, но теща прямо горит огородом. Хлебом ее не корми, дай на земле повкалывать! И ведь каждый раз стонет и ноет: «Как мне все надоело, я старая-усталая-больная, пашу на вас, уродов неблагодарных» и претя на эту дачу, то теплицы ей помогай ставить, то картошку окучивай!

– Так если она такая больная и старая, пусть не ездит. Ну, или ездит, но отдыхать, а не на плантациях горбатиться!

– Да, говорили, – он безнадежно махнул рукой. – Орет: «А жрать мы что будем?». Хотя зарабатываем нормально, прожили бы и без солений. Старая закалка! Кто бы знал, как я ненавижу дачу!

– Так, если это все ей надо, то почему она вас заставляет корячиться?

– Она не заставляет, – скривился Герасименко. – Наоборот, сама хватается лопату и начинает корчить из себя героя. А если не станешь помогать, то такие обиды начнутся...

Я вздохнула. Мои родители никогда не видели в даче кормилицу. Грядки у нас почти не было. Они и сами на огороде не работали, и никого из детей не заставляли. Впрочем, у нас росла клубника, малина и смородина, но о них я вспоминаю только с нежностью – вкуснее ягоды с куста нет ничего в мире! Сейчас я езжу на дачу не так часто, но не из-за того, что не люблю ее, а из-за нехватки времени.

– Садись за стол, я за тобой поухаживаю, – предложил Герасименко. – Тебе с сахаром?

– Без! – отозвалась я с рабочего места. – Какой ты джентельмен, так приятно!

– Рядом с такой красивой девушкой любой стал бы джентельменом, – ответил комплиментом на комплимент Костя и вынырнул из-за шкафа с чашкой в руках. – Пей на здоровье!

Буше оказалось вкусным и нежным, бисквитик мягким, а ягодные корзиночки сочными, что компенсировало долгое время ожидания. После перекуса я решила, что пора перейти к самому приятному и отправилась в бухгалтерию.

Воображение, как обычно, рисовало картины одну лучше другой. Вот я получаю зарплату и не могу ее унести, приходится брать тележку. Вот я поднимаюсь на борт собственной яхты. А вот я загораю на крыше моего особняка в Майами. А вот и мой личный самолет. О, как прекрасно быть богатой!

В бухгалтерии стоял такой хохот, что слышно было с другого конца коридора. Я решительно распахнула дверь:

– Привет, девочки! Чего веселимся?

Девочки на секунду замолчали, повернув раскрасневшиеся лица в мою сторону, и захохотали с новой силой:

– Расскажите и мне, вместе поржем, – заныла я.

– Помнишь Лерку Козлову из хозяйственного? – сквозь смех спросила блондинка, имени которой я не запомнила. Точно помню, что знакомилась с ней, но, хоть убей – имя вылетело из головы. – Ну, худенькая такая, все время приносит бумагу, скрепки разные...

– А, конечно помню! – кивнула я. – Она ко мне каждую смену заходит.

– Она свою фамилию всю жизнь ненавидит. Не нравится ей быть Козловой, – сгибаясь пополам от смеха, продолжила блондинка.

– И?

Я не видела в ситуации ничего смешного. Мне нравится моя фамилия, но у меня имечко такое, что тоже впору ухохотаться.

– Она всю жизнь мечтала выйти замуж за какого-нибудь Болконского или Сольмаера. Ну, чтоб красиво звучало, – помогла соседка блондинки. Тоже, кстати, блондинка. Она попыталась договорить, но только замахала руками в новом приступе хохота.

Я почувствовала себя персонажем пьесы абсурда – вокруг что-то происходит, а смысл от меня ускользает. Ничего смешного в желание законно сменить надоевшую фамилию я не нахожу. Когда я выйду замуж, а вернее – «если» я выйду замуж, я менять фамилию не

стану. Во-первых, она у меня и так красивая. Во-вторых, мне элементарно лень. Это ведь придется менять паспорт, водительское удостоверение, еще бесконечную грудку бумажек. Как представляю всю эту бюрократическую волокиту, так аж зубы сводит!

Может быть, девочки смеются как раз над тем, что Лерка добровольно решила взять на себя эту головную боль? В современном обществе, где процветает феминизм и равноправие, а права меньшинств скоро начнут ущемлять права традиционного большинства, это вполне может тянуть на хохму.

У третьей бухгалтерши, рыжей Кати, от смеха растеклась тушь, а челка встала дыбом. Сотрясаясь от смеха, она простонала:

– Козлова вышла за Баранова!

Повисла пауза. А потом смех грянул с новой силой, и громче всех хохотала я.

Да уж, вот и не верь после этого в простую истину – чего боишься, то и случается.

Надо срочно начать бояться разбогатеть. Так, глядишь, и на работу ходить не придется.

Зарплата порадовала, и оставшиеся несколько часов я отработала в отличном расположении духа. Даже неожиданная гроза и ливень не испортили моего настроения. Сияя от радости, ровно в девять вечера я вышла из офиса и направилась к «букашке». Завтра выходной, в кошельке куча денег, на улице свежо... Жизнь прекрасна настолько, что хочется петь!

Машина выглядела грязной. Из экономии и лени я так и не помыла ее с осени, а сегодняшняя буря, патологическим образом, не смыла пыль, а размазала ее. Я села и погладила руль:

– Ну, красавица моя, денежки у нас теперь есть, завтра и тебя порадуем – съездим на мойку и в сервис!

Что-то царапнуло взгляд, но я уже слишком устала, чтобы обращать на это внимание, и мне так хотелось поскорее упасть на диван, что я приказала себе ни о чем не думать, включила радио и поспешила домой.

Глава 4

Когда в выходные в девять утра раздается звонок с работы, то он, как правило, не означает ничего хорошего. Что такого я могла вчера сделать, из-за чего мне может звонить Катя с самого утра? Окна закрыла, компьютер выключила, заявки раскидала...

– Алло, – как можно приветливее пропела я. Коллеге не обязательно слышать мое недовольство. Раз она звонит, значит, на то есть свои причины.

– Оля, прости, я тебя разбудила, но тут такое... – раздались в трубку всхлипы.

– Что случилось?

Я села на кровати, с меня моментально слетели остатки сна.

– Нинуша... Помнишь Нину Лапину? Ее сбила машина!

– О, господи! – закричала я. – Как? Когда?

Катя не отвечала, только рыдала в трубку.

– Она жива? В какой больнице? Что-то нужно передать? – не успокаивалась я. – Давай я приеду?

Катя пошвыркала носом и, наконец, смогла ответить сдавленным голосом:

– Вчера еще сбила, а нашли только сегодня. Водитель скрылся...

– Катюша, что с ней? Ну? – закричала я, уже зная ответ.

Когда я приехала, Катя уже успокоилась и только опухшие глаза, да покрасневший нос без слов говорили о том, что она ревела.

– Может быть, тебя подменить? – предложила я.

Катя покачала головой и совершенно ровным голосом ответила:

– Я справлюсь. Я уже выпила пару таблеток пустырника, он хорошо мне помогает. Ты представляешь, ее нашли в арке между нашим и соседним корпусом.

– Там же никто не ездит? Если я не ошибаюсь, эта арка никуда не ведет. Раньше вела на дорогу, а теперь там тупик и даже припарковаться негде. Я пару недель назад хотела туда проехать припарковаться, но чуть не врезалась в бетонный блок, а в самой арке вставать опасно, потому что могут подпереть так, что не выедешь.

– Потому ее и нашли не сразу! Туда никто не ездит. А обзор скрывают мусорные баки эти долбаные, с картонками! Мусоровоз за ними в половину девятого приехал, выгружать стали и увидели ее. Если бы ее увидели еще вчера, то может и спасли бы, но кто ж туда пойдет?

– А Нину туда чего понесло? – удивилась я.

Катя помялась, но потом решилась:

– Она уже мертва, так что я не наврежу. Курить она туда ходила!

– Я думала, она не курит, – протянула я.

– Все так думали, поэтому она и бегала в арку. Вроде, взрослая женщина, а стеснялась. Она всего один раз в день туда ходила, в обед. Вот ее в обед и сбили. Какой-то урод! И ведь уехал, сволочь! Может быть, если бы не уехал...

Она снова начала плакать.

Я обняла ее:

– Ну-ну, успокойся.

На самом деле, я абсолютно не представляю, что нужно говорить в таких случаях. Выражать соболезнования? Но как?

Сказать, что все наладится? А что может наладиться для Нинуши?

Сказать, что она в раю? Или что она в лучшем мире? Глупости какие-то! Вот если бы она была старенькой и больной, то это могло бы сработать.

Мне и самой стало горько и страшно – могла ли представить Нина, что курение убивает таким странным способом? Знала ли она, что это ее последняя сигарета? Предполагала ли она, что больше не вернется домой?

Катя выглядела потерянной и отстраненной, она бестолково перекладывала бумажки с места на место, и я не выдержала:

– Езжай домой, напейся чаю с мелиссой и постарайся уснуть. Тебе надо привести нервы в порядок, а то на тебя смотреть страшно.

– Я справлюсь, – замогильным голосом на автомате ответила Королева.

– Нет уж, – решительно отрезала я. – Давай-ка, пакуй чемоданы и отчаливай на отдых. Ты нам тут всех клиентов распугаешь.

Катя криво усмехнулась, не справилась с эмоцией и снова разрыдалась. Я обняла ее:

– Ну, все, все, давай я вызову такси? Отработаю я за тебя, у меня не было на сегодня никаких глобальных планов.

Я проводила Катюшу и села за стол – мне жаль Нину, но я знала ее совсем недолго, поэтому боли потери не ощущаю. А вот Кате сейчас явно не до работы. Да и насчет планов я почти не соврала – машину можно и после работы помыть!

Когда умирает человек – это всегда горе. Но, когда умирает молодая, здоровая, красивая девушка, то это – страшная трагедия. Удел молодых – жить, радоваться, создавать семьи, строить будущее.

Нина больше никогда не засмеется над удачной шуткой, не порадуется обновке, не улыбнется прохожему.

Даже природа в день похорон, казалось, горевала. Небо с самого утра заволочли тяжелые серые тучи, из которых иногда начинал накрапывать противный дождик со снегом. Я поежилась и попыталась поглубже зарыться в воротник куртки, но сделала только хуже – мокрая ткань прилипла к шее, и мне стало сыро и холодно.

На кладбище собралось не так много народу – мы, коллеги, да несколько родственников. Катя уже совсем пришла в себя и шепотом просвещала меня:

– Вот этот мужик – это ее отец...

– А мама кто?

– Мамы нет, но я подробностей не знаю. Нина никогда не рассказывала о ней, вроде бы та умерла очень давно.

Я посмотрела на двоих заплаканных женщин, подходящего для матери возраста:

– Я думала, кто-то из этих двоих...

– Не, это тетки, сестры отца. Тут вообще родственники только со стороны отца. Вон тот паренек – двоюродный брат, сын кого-то из теток. Не спрашивай, которой, я не в курсе.

На поминках было тихо. Казалось, горе наполнило воздух в зале – так тяжело было дышать.

Мне повезло, я всего один раз в жизни была на поминках – умерла сестра бабушки. Они были абсолютно другими – собралась целая толпа народу! Сначала несколько человек покликушествовали на кладбище, потом кто-то упал в обморок прямо в автобусе, следом было несколько патетических выступлений на поминальном обеде, а апофеозом всего стали русские народные в исполнении подвыпивших родственников.

Я сидела в уголке, тихо выпучивала глаза и пыталась слиться с обстановкой. Ко мне пару раз подходили какие-то троюродные родственники, которых я знаю только по фото, и предлагали выпить за упокой, за встречу и знакомство, и за нашу прекрасную большую дружную семью.

Мне было страшно и противно, поэтому я постаралась под шумок улизнуть, но возле моей машины курил кто-то из приглашенных, поэтому меня вернули обратно и даже налили

штрафную, которую я лихо вылила в салат, пока остальные радостно чокались. Было немного стыдно, но пить за рулем хотелось не больше, чем объясняться с разгоряченной «родней».

Здесь же все было по-иному. Может быть, дело в людях. А может, в том, что смерть старой бабушки мало кого удивила, поэтому ее поминки стали лишь поводом собрать родных, а внезапная гибель молодой женщины стала шоком, оправиться от которого они смогут еще нескоро.

После поминок я вызвалась отвезти Катю домой, и мы пошли к машине.

– Ой, Оленька, спасибо тебе большое. Честно говоря, у меня так разболелась голова, – принялась благодарить Катюша. – Давление, наверное, подскочило. Ой!

Катя резко присела на корточки перед машиной.

– Что такое? – испугалась я. – Тебе плохо? Голова закружилась?

– Да нет... Тебя стукнули что ли? Номер погнулся или у меня уже в глазах плывет?

Я присела рядом с ней перед капотом осмотреть номер и чуть не заорала от ужаса – в рамке застрял длинный темный волос! В долю секунды у меня перед глазами пролетели последние несколько дней – вот я сажусь в машину, удивляюсь показаниям одометра, ливень, мойка, Нина, номер, пыль, что-то не так...

С большим трудом взяв себя в руки, я абсолютно ровным голосом произнесла:

– Да нет вроде, так и было. Поехали!

Всю дорогу я больше всего боялась, что Катя поймет, как я психую, поэтому я старалась молчать. Но ей, кажется, было совсем не до меня. Она бессильно полулежала на сиденье, бледная и молчаливая.

Когда она скрылась в подъезде, я трясущимися руками набрала самый знакомый номер:

– Ты дома? Я сейчас подъеду, это очень срочно.

– Жду! – коротко отрезал Макс.

Жизнь свела нас еще во времена моего студенчества. Я тогда сидела в приемной комиссии нашего вуза, а Макс пришел туда поступать. Абитуриенты шли непрерывным потоком, и к обеду моя голова стала напоминать шар для боулинга – тяжелая и, в данный период времени, абсолютно бесполезная.

Симпатичный невысокий юноша подошел к моему столу как раз в час дня:

– Здравствуйте, – робко пробормотал он и положил передо мной анкету. – Котов Максим Николаевич.

– Здравствуйте, Максим Николаевич, добро пожаловать к нам в вуз, – гневно прорычала я, с завистью глядя на уходящих обедать коллег. Выгнать парня не было никакой возможности – за такое могли и по шапке надавать. – Давайте ваши документы.

– А давайте лучше я вас обедом угощу? – неожиданно неадекватно отреагировал парнишка и широко улыбнулся. Он сразу стал похож на ангелочка с картинки – ямочки на щеках, белокурые вихры и длинные реснички.

Я подняла одну бровь – кавалер младше меня на три года, суций, по моим меркам, ребяенок. Может, издевается? Или извращенец? Но в его глазах не было ни намека на издевку или похоть. Скорей уж, там было сочувствие. Ненавижу, когда меня жалеют, поэтому я слишком резко рывкнула:

– Я не голодна!

Он вздохнул и молча вышел, а мне стало стыдно. Человек, может быть, из лучших побуждений мне покушать предложил. До этого никого не интересовало сыта ли я, не мучает ли меня жажда, не оглохла ли я от гомонливых будущих студентов. Покачав головой, я заперла дверь кабинета и направилась в кафетерий.

Там, как и обычно в это время, колыхалась толпа народу. Нечего было и мечтать о свободном столике. Уверена, что даже в очереди я буду стоять не меньше получаса, и вряд ли мне достанется что-нибудь вкусненькое.

– А говорила, что не голодна, – весело заорали над ухом. Я повернулась в сторону шума и увидела отвергнутого абитуриента. Неизвестно почему, мне захотелось оправдаться:

– Да я просто решила выпить чаю, так-то я еще не успела проголодаться...

Он улыбнулся:

– Вот, я так и думал, что меня неправильно поймут! У вас, красивых девушек, всегда одно на уме: если парень приглашает пообедать, то он озабоченный павиан, надо держаться от него подальше.

Я промолчала, но за ненавязчивый комплимент мысленно нарисовала парнишке плюс.

– Будешь и дальше пожирать глазами пирожки, делая равнодушный вид, или я все же угощу тебя обедом, а ты меня сразу после обеда без очереди с документами примешь?

– Не заметила, как мы перешли на «ты», – проворчала я, недовольная тем, что он прочитал все эмоции на моем лице и бестактно их озвучил. Есть мне хотелось еще час назад. Сейчас я хотела жрать.

– Пока ты тут с местоимениями разбираешься, мой тайный агент отстоял всю очередь. У нас есть исключительная возможность прямо сейчас определиться с обедом. Решайся уже, а то оба с голоду опухнем.

– Ай, – махнула я рукой. – Угощай, джентльмен!

Вот так и началась наша дружба, которая длится уже второй десяток лет. Макс, кстати, к нам так и не поступил – выбрал другую специальность. Однако, несмотря на то, что мы совершенно разные, мы понимаем друг друга с полуслова.

Вот и сейчас, не задавая лишних вопросов, он готов прийти на помощь. А помощь мне ой как нужна!

– Значит, ты думаешь, что кто-то воспользовался твоей машиной, чтобы сбить Нину? – озадаченно протянул он, когда я, путаясь и заикаясь, изложила ему свои догадки. – Ты понимаешь, как это звучит?

– Понимаю, Макс, понимаю! И в полицию не пойти – кто мне поверит? Но я тебе точно говорю – номер погнулся и волосок прилип!

– Волосок надо спрятать в пакетик, это улика.

– Да знаю я, доктор Ватсон! Что теперь мне делать? Меня посадят, Макс, меня посадят! – паниковала я.

Он прищурил глаза:

– Ты уверена, что на ней кто-то ездил? Может быть, она просто стояла, а кто-то шел мимо, споткнулся, упал и головой об номер – бабах! Такой вариант тебе нравится?

– А показания одометра?

– Ты никак не можешь вернуться в тот день и проверить.

– Ты чем слушаешь? Я с утра запомнила показания, там было число Зверя! А вечером, когда я собралась домой, там точно были другие цифры.

– Какие? – снова прищурился Макс.

– Не знаю, – вздохнула я. – Но точно другие, потому что я на что-то обратила внимание, а на что – не помню. Были бы там шестерки – я бы снова на них поудивлялась!

Макс похрустел пальцами.

– Ну, если ты права, то нам ничего не остается кроме как найти того, кто это сделал.

Глава 5

Резкий звонок будильника вырвал меня из царства Морфея. Голова гудела как улей с пчелами, а руки и ноги словно налились свинцом.

Мы с Максом проговорили почти всю ночь. Домой я приехала ближе к пяти утра, и уснула, даже не умывшись. Как и следовало ожидать, зеркало отразило нечто среднее между китайским алкоголиком, пандой и сенбернаром.

– Никогда, ни при каких обстоятельствах не ложись спать с косметикой на лице! – занудствовала я, плеская в лицо ледяной водой. – Одна ночь с неумытой мордой – плюс пять, а то и десять лет! Как теперь с такой рожей на работу?

Я всегда завидовала девушкам с синяками под глазами! Нет, я не сумасшедшая. Просто синяки можно легко замазать тональным кремом, а вот с мешками ничего не поделаешь. Так уж получилось, что лицо мое отекает от чего угодно – климат, еда, настроение... Я всеми силами вела борьбу с отеками, но безрезультатно! Перепробовала все – народные средства: чайные пакетики, замороженный отвар ромашки, огурцы. Не обошлось без современных достижений косметологии – отечественные и импортные, масс-маркет и люкс, проверенные и новинки. Если результат и был, то я его не заметила. Одно время я совсем перестала солить пищу и стало немного лучше, но постоянное чувство голода свело на нет радость от результата. Патологическим образом несоленая пища набивала желудок, не давая ощущения сытости!

Намучившись, я плюнула на это дело и перестала комплексовать. Теперь я просто пытаюсь поддерживать лицо в относительном порядке. Но вчера система дала сбой, и вот печальный результат в зеркале – сорокалетняя баба мучается похмельем. Вот только мне нет и тридцати пяти, и я почти не употребляю горячительные напитки.

На улице ярко светило солнышко и только застывшая в воздухе ароматная влага напоминала о том, что вчера был дождь. Жизнь продолжается! Жаль, конечно, что не для всех...

А ведь если я не найду убийцу Нины, то могу провести ближайший десяток лет в месте, где даже солнышко светит через решетку. Или заключенных иногда выпускают погулять? К счастью, я не имею ни малейшего понятия о тюремных порядках. Пока.

Отогнав от себя мрачные мысли, я заставила себя сесть за руль.

Вчера мы с Максом решили, что избавиться от «колес» – значит, привлечь лишнее внимание. Лучше делать вид, что ничего не произошло. Тогда и окружающие не станут задавать лишних вопросов, и сам убийца не станет нервничать. Если же он поймет, что я догадалась, то начнет паниковать, и у меня просто может не оказаться достаточно времени.

Я погладила руль. В конце концов, машина совершенно ни в чем не виновата.

Работа шла своим чередом. С утра, как всегда, суматоха, потом временное затишье, а за ним – обеденный переполох.

Я не могла сосредоточиться, в голове все время крутились мысли о Нине. Кому она мешала? Кто мог желать ей смерти?

Мы общались с ней всего однажды, но она произвела на меня самое приятное впечатление. Прямолинейная, решительная, открытая – такой человек в минуту гнева может разнести всех в пух и прах, но никогда не станет подличать за спиной.

С другой стороны, разве я хоть что-нибудь знаю о ее жизни? Да, мне она понравилась, но ведь ни один, даже самый приятный на свете человек не может нравиться всем без исключения! Кого-то он непременно разозлит даже своей обаятельной улыбкой или готовностью прийти на помощь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.